
«Умилосердись, государь мой...»

*(К вопросу о
пространственных рамках
башкирского восстания
1705-1711 гг. и превентивных
мерах по недопущению его
распространения)*

Автором публикуемых ниже писем является стольник, полковник Афанасий Дмитриев-Мамонов. Семь из этих писем были адресованы Фёдору Алексеевичу Головину, одно — Борису Петровичу Шереметеву. Написаны письма были в Казани во временной отрезок, равный четырем с половиной месяцам: между мартом и серединой июля 1706 г.

А. Дмитриев-Мамонов был оставлен в Казани фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым по царскому указу*, привезенному в город 16

января 1706 г.** сержантом Михаилом Ивановичем Щепотевым. Сержант получил от Петра особые полномочия контроля над исполнением Шереметевым царских указов. В случае игнорирования предписаний или затягивания их выполнения он должен был побудить фельдмаршала к действиям, страшая отпиской Петру¹.

Пребывание Дмитриева-Мамонова в Казани было вызвано, по всей видимости, решением правительствен-

* В статьях от 10 января 1706 г., отправленных Б. П. Шереметеву, написано: «Оставить в Казани Афонасья Дмитриева, да с ним конных тысячу человек из дворян и из иноземцов [и] из новокрещеных, да мурзь пятьсот человек поместных добрых, да пеших полк, которой придет с Москвы,

да Казанской полк пятьсот человек» (см.: Письма и бумаги Петра Великого. — СПб., 1900. — Т. IV. — С. 9).

** В списке поздравления от старшин Я. Носова «с товарищи», приложенном к письму фельдмаршала Б. П. Шереметева Ф. А. Головину от 4 марта 1706 г., Щепотев назван унтер-офицером бомбардирской роты Преображенского полка (см.: Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. / Подг. Н. Б. Голикова. — М., 2004. — С. 88).

ных органов сосредоточить в этом узловом административном центре Волго-Уральского региона силы, способные отреагировать на возможный всплеск социального недовольства. А. Дмитриеву-Мамонову надлежало не только погасить очаги «шато-сти» в Казанском и близлежащих уездах, но и не допустить разорения селений и проникновения восставших в «верховские» города по Волге. Не исключено, что он должен был осуществлять надзор за изготовлением в Казани яхт, точнее, «шмаков» для отправки их в Царицын. В одном из писем Петра речь как раз шла о пяти судах, которые следовало выбрать в Казани для отправки прибывающих в город воинских подразделений, снарядив их 12 или 8 пушками². Согласно последнему распоряжению Петра именно в этом пункте Б. П. Шереметев должен был сосредоточить все вверенные ему силы — подразделения, выведенные из действующей армии, ополчение боярина князя Петра Ивановича Хованского «с товарищи» и 12 полков пехоты, прибывшей вместе с М. Щепотевым³.

Решение об оставлении Дмитриева-Мамонова в Казани было вынужденным, но, как показало развитие событий, своевременным. 13 марта 1706 г. было прекращено восстание в Астрахани, ставшее ответной реакцией и проявлением протеста всех социальных и этнических групп населения, вызванным изменением привычных норм и условий существования, перекраиванием фактически социального статуса ряда слоев общества. Опасения правительства, что это социальное движение, направленное против нововведений, реформ, жестких методов взыскания налогов, их количественного роста и злоупотреблений местной администрации, длившееся семь с половиной месяцев, перекинется из Астрахани на смежные области, особенно примыкавшие к Волге, не сбылись.

Но Астрахань и поддерживавшие ее пять городов не были единственным очагом социального конфликта.

Не менее серьезную угрозу, в чем-то еще большую, существующему порядку представлял другой очаг социального движения, получившего в отечественной историографии наименование «башкирское восстание». В апреле 1706 г. одна из его искр опалила юго-восточные районы Казанского и северо-западные районы Симбирского уездов. Правительство стало подтягивать к Казани дополнительные силы. Разрядный приказ распорядился прибыть в регион и возглавить борьбу с восставшими князю П. И. Хованскому. Стольник А. М. Дмитриев-Мамонов и его «товарищ» Ф. М. Есипов приняли активное участие в походах против восставших⁴. В середине 1708 г. Дмитриеву-Мамонову было приказано быть в «товарищах» князя Петра Ивановича Хованского, откомандированного в населенные пункты, расположенные в бассейне р. Дон с ее притоками, против казаков и бурлаков, участников Булавинского восстания⁵.

Первый из адресантов — граф (второй после А. Д. Меншикова) и первый генерал-фельдмаршал в России, генерал-адмирал Фёдор Алексеевич Головин — с 18 февраля 1700 г. по 2 августа 1706 г. (до момента своей смерти) руководил Посольской канцелярией: являлся Президентом посольских дел*.

* Головин происходил из боярского рода Ховриных-Головиных. По преданию, царь Алексей Михайлович, умирая, попросил Головина беречь царевича Петра, как зеницу ока. Во время стрелецкого мятежа, якобы Головин увез мальчика из Москвы в Троицкий монастырь. На него обратил внимание В. В. Голицын и привлек к урегулированию пограничного конфликта с Китаем, завершившегося заключением Нерчинского договора. Он принадлежал к числу тех, кто безоговорочно принял петровские нововведения, и согласно преданиям первым из бояр сбрил бороду, чем вызвал симпатию Петра. Стал одним из его ближайших сподвижников, активно участвовавшим во всех значимых государственных кампаниях и мероприятиях. Участвовал в организации и проведении Азовского похода и был награжден серебряной медалью. Головин был участником Великого посольства и приложил много сил к созданию русского флота, подготовке специалистов в морском деле. Став главным лицом во внешнеполитическом ведомстве, сумел расширить дипломатические контакты России, в 1704 г. собственноручно составил русско-датский договор и подписал от имени царя русско-польский договор, следил за определением границы с Турцией. Он первым был награжден орденом Святого Андрея Первозванного (см.: Бантыш-Каменский Д. Н. 1-й генерал-фельдмаршал Граф Федор Алексеевич Головин // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. — СПб.,

Своим назначением он, по-видимому, был обязан Петру, в 1695-1699 гг. взявшему непосредственно в свои руки общее руководство внешней политикой. Наряду с Ф. Я. Лефортом и П. И. Возницыным, Головин являлся одним из главных помощников царя. С 19 апреля 1699 г. по 18 февраля 1700 г., т. е. до времени фактического функционирования Посольского приказа, на него были возложены общие административные, финансовые, хозяйственные и протокольные вопросы*. В январе 1706 г. Пётр I, учитывая необходимость своего пребывания в действующей армии и потребность большого количества времени на переписку, решение вопросов и задач, связанных с начавшимися в стране социальными движениями, возложил на Ф. А. Головина.

Второй из адресантов — фельдмаршал боярин Борис Петрович Шереметев — был не менее известным государственным и военным деятелем. В дни, когда ему было направлено одно из публикуемых писем, Шереметев находился в Астрахани, в которую вступил во главе правительственных войск 13 марта, и до получения письма уже успел отослать в Москву первую партию колодников из Красного и Чёрного Яров, отправить полки в близлежащие мятежные города, приступив к арестам на основании известных челобитных (доносов). В конце апреля фельдмаршал перешел к открытым карательным мерам против астраханцев⁶. А в июле 1706 г., сдав дела П. И. Хованскому, Б. П. Шереметев покинул Астрахань.

Шел шестой год наиболее напряженного периода Северной войны, одной из самых затяжных войн, которую России пришлось вести в первой

четверти XVIII в. Понятно, что война требовала оружия, боеприпасов, продовольствия, коней и солдат. Потребность в деньгах и живой силе неуклонно росла. Повторяющиеся чрезвычайные налоги, введение новой обязательной системы рекрутского набора, от которого освобождались только гражданские чиновники, духовенство и отдельные категории крестьян, систематические требования выставить лошадей вели к подрыву основ хозяйствования и в конечном итоге — к падению жизненного уровня всех слоев общества и разорению многих. Все это, а также чрезмерное рвение представителей администрации на местах, одержимых стремлением отличиться в сборе налогов и наборе рекрутов, неминуемо порождало протест и желание у определенных кругов общества изменить непривычные и потому непонятные и непринятые ими до конца сложившиеся реалии.

Политически наиболее активная часть — феодальная прослойка — пути изменения ситуации, в частности в Волго-Уральском регионе, представляла по-разному. Отдельные представители дворянства не являлись на службу или сбежали с нее. Некоторым «нарочитым и прожиточным» удавалось «по ласке» разборщиков устроиться на службу в тылу. Наиболее радикальные круги нерусской части феодалов восточных и юго-восточных областей вынашивали идею присоединения к Крымскому ханству и надеялись на поддержку султанской Турции. Лояльная же к царскому правительству часть нерусских феодалов полагала, что верховный правитель не в курсе происходящего, во всем винила местную администрацию и рассчитывала исправить положение обращением-челобитной на имя царя.

В рамках этой публикации не ставится задача исчерпывающего освещения причин и хода развития социального движения, развернувшегося в 1705-1711 гг. в Волго-Уральском регионе. Тем более что такие шаги в историографии уже предпринимались⁷. Свою цель мы видим в ознакомлении и по-

1840. — Т. 1. — С. 17 и др.; Кравец С. Л. Головин Фёдор Алексеевич // Большая российская энциклопедия. — М., 2007. — Т. 7. — С. 335-337).

* Посольский приказ формально оставался для Посольской канцелярии головным учреждением до момента своей ликвидации 15 декабря 1717 г., но дипломатическими вопросами он уже не занимался с февраля 1700 г. 13 февраля 1720 г. Посольская канцелярия при царской особе свои полномочия внешнеполитического ведомства передала Иностранной коллегии (см.: Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители: Справочник. — М., 1992. — С. 172-207).

пытке обратить внимание читателей на информативные возможности писем А. Дмитриева-Мамонова, позволяющих судить о внутривластном положении в стране в это непростое для страны время. В частности, обратить внимание на степень готовности государственных структур к адекватной реакции на социальные движения. Думается, что письма одного из военачальников, оказавшегося в период «башкирских восстаний» в Казани, позволят составить более глубокое представление о сложившихся в Волго-Уральском регионе реалиях. В том числе получить ответы на вопросы о численности сторон — правительственных военных формирований и бунтовщиков, о возможностях, заинтересованности и стремлении сторон в урегулировании конфликта, о путях и способах разрешения конфликта и пр.

Взяться за перо А. Дмитриева-Мамонова заставил ряд обстоятельств и причин, мало способствовавших успешному предупреждению и противодействию распространению восстания в Волго-Уральском регионе. Известия о «смуте и мятеже», учиненных «башкирцами» в Уфимском уезде, и в Москве, и в Казани были хорошо известны⁸.

В первую очередь, это отсутствие необходимого количества имеющих соответствующую подготовку и вооружение рядовых воинов, и острая нехватка подготовленных офицеров. Вследствие чего под угрозу ставились как организация сторожевой службы, так и осуществление отпора наступлению восставших, и подавление волнений на местах. Положение было серьезным и в случае задержки с принятием мер последствия могли быть плачевными.

Для караулов в Казани было оставлено 500 рекрутов, и А. Дмитриеву-Мамонову обещано, что из Москвы вместо них пришлют солдатский вооруженный полк, с подготовленными офицерами, а также 500 новоприборных солдат с соответствующим снаряжением. В марте 1706 г. под его началом находилось 908 человек, по рас-

поряжению Шереметева в город были вызваны 1 036 мурз и татар из низовых городов, чьи имена фигурировали в списке. Обещанных ружей и присылки подготовленных офицеров ему пришлось добиваться, как видно из писем, довольно долго.

Как уже было отмечено, в апреле 1706 г. взбунтовавшиеся «башкирцы» разорили селения Казанского и Симбирского уездов. Предвидя подобную возможность, фельдмаршал Б. П. Шереметев в письме к судье Посольского приказа Ф. А. Головину не позднее 10 февраля 1706 г. упомянул о малочисленности набранных рекрутов, о необеспеченности их ружьями и отсутствии офицеров⁹. Фельдмаршалу вторил и Дмитриев-Мамонов, в феврале же 1706 г. акцентировавший внимание Ф. А. Головина на необученности военному делу вверенных ему 500 рекрутов, оставленных для сторожевой службы.

В ответ Головин пообещал прислать из Москвы полк профессионально состоявшихся воинов — 500 вооруженных солдат под командованием офицеров. В Казань прибыл полк под командованием полковника Ивана Рыдаря, должный проследовать в распоряжение Б. П. Шереметева. А вот заполучить необходимое число офицеров ему не удалось. Дело в том, что способные осуществлять руководство солдатами служилые люди были востребованы в действующей армии и посланы с полками в район военных действий. Именитые и богатые дворяне сумели, видно, договориться с разборщиком Александром Сергеевым и получили своеобразную бронь, предусматривавшую их прикрепление к железоделательным заводам^{*}. Да и в целом А. С. Сергеев фактически не сумел сформировать конницу из дворян Казанского края, как ему было вменено в обязанность. Он составил список мобилизованных в конницу лиц, не удосужившись собрать их самих в Казань. В городе находилось лишь 70 человек

^{*} Например, Молоствов и Аристов были оставлены при заводах в Нижнем Новгороде (см.: Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. / Подг. Н. Б. Голикова. — М., 2004. — С. 67).

из числа отобранных¹⁰. Смотр отобранных драгун принес Б. П. Шереметеву одни разочарования, выяснилось, что за исключением 100-150 человек, большинство не то что лошадей, а необходимой одежды и обуви не имеет («наги и босы»)¹¹. Положение дел было немного скрашено тем, что 20 апреля 1706 г. полк Ивана Рыдаря получил предписание оставаться в Казани под началом А. Дмитриева-Мамонова. Старый фельдмаршал, вскользь выразив неприязнь к А. Сергееву, убеждал Головина, что за рамками набора остались «нарочитые», что по приезде полковника Иуды Болтина он намерен направить его в города с заданием произвести повторный набор драгун, которых, по его мнению, наберется целый полк¹². Этих солдат Шереметев планировал передать А. Дмитриеву-Мамонову.

В апреле месяце И. Болтин приступил к комплектации нового драгунского полка из тех, кто так или иначе сумел избежать смотра в Казани, а также из тех, кто не был включен в полк Владимира Петровича Шереметева, осуществлявшего смотр в Саратове*. Примечательно, что саратовских дворян набралось 267 человек, а казанских дворян не оказалось ни одного. Лишь Дмитриев-Мамонов передал в новый полк двух конных новокрепчен, однако в драгуны они не годились по причине отсутствия у них ружей. В отличие от «казанцев» все «саратовцы» были вооружены и имели «полковые припасы».

С формированием конницы из служилых мурз и татар разных городов дело обстояло плохо. Из 1 379** включенных в список и обязанных по указанию Шереметева съехаться в губернский центр приехали 330 человек. Подавляющее большинство оказалось в юном возрасте и не имело коней. Стало быть, адекватно противостоять конному противнику они, естественно,

не могли. К тому же, они, как характеризовал их сам Дмитриев-Мамонов, были «ненадежны к нынешнему случаю». Гарантий того, что эти служилые из малоимущих слоев не перейдут в лагерь восставших, не было. Тем не менее «применение» им нашлось. Две роты — 260 мурз и татар — были посланы для обеспечения безопасности работных людей, привлеченных к строительству города на Самаре.

Во-вторых, предметом особого беспокойства автора писем стало обеспечение офицеров и солдат хлебным и денежным жалованьем. Денег в губернской казне не было. Петр I указом от 31 января 1706 г. повелел казанскому воеводе Н. А. Кудрявцеву «ради астраханского смятения» произвести сбор или освобождение от податей жителей во всех низовых городах. При этом стараться все делать так, чтобы «утишать»¹³. Денежное жалованье за первое полугодие солдатскому полку было дано в феврале, по логике вещей в июле подходил очередной срок выдачи жалованья, и Дмитриев-Мамонов заблаговременно стал «теребить» судью, напоминая о приближении этого срока. Характерно, что февральская выплата была осуществлена в одном и том же размере: каждый получил по 2 рубля 16 алтын и 4 деньги, т. е. 500 денег. Тогда как находившиеся под командованием Б. П. Шереметева и имеющие ружья воины получили по 5 рублей, т. е. 1 000 денег, а оставленных в городах солдат, на которых полномочия фельдмаршала не распространялись, следовало обеспечить хлебом и деньгами в размере 1 или 1,5 рубля¹⁴, т. е. 200 или 300 денег. Как видим, сосредоточенные в Казани солдаты, хотя и не принимали участия в военных или карательных операциях, получали в среднем в 2,5 раза больше денег, чем солдаты, пребывавшие в других городах и в два раза меньше участвующих в наступлении на Астрахань.

Как и следовало ожидать, солдаты и офицеры, прибывшие с И. Рыдарем из Москвы, стали просить выдать хлебное и денежное жалованье. К ним присоединился другой полк, получив-

* Полковник В. П. Шереметев являлся родным братом Б. П. Шереметева.

** По другим данным число служилых составляло 1 036 человек (см.: Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. / Подг. Н. Б. Голикова. — М., 2004. — С. 68).

ший ранее полугодичное денежное жалование. Удовлетворить эти обеспокоенные просьбы не удавалось. Ограничились тем, что полку И. Рыдаря было выдано месячное хлебное жалование. В силу того, что отсутствие пропитания могло привести к смерти солдат от голода, Дмитриев-Мамонов оказался вынужден просить о направлении послушных указов к судьям розрядных дел, чтобы они выдали солдатам продовольствие. Только ему удалось добиться выдачи хлебного жалования имеющемуся контингенту солдат за апрель, как встал вопрос об обеспечении продовольствием, денежным жалованием, вооружением и боеприпасами формируемого И. Болтиным драгунского полка. И вновь он был вынужден напоминать об этом и просить вышестоящие инстанции (Посольский и Розрядный указы) о соответствующем распоряжении и выделении необходимых средств.

Третьей проблемой, с которой столкнулся автор писем, была сложность с отправкой почтовых сообщений, возникшая вследствие межведомственных трений. Воеводы отказывались давать деньги на бумагу, подводы и требовали внесения установленной поверстной платы за езду по почте, так называемые «прогонные деньги». Свой отказ предоставить подводы и почтаря они мотивировали тем, что не получали соответствующего указа от господина губернатора. Ссылаясь на распоряжение фельдмаршала Б. П. Шереметева об оперативной необходимости ссылаться с Москвой, Дмитриев-Мамонов просил Ф. А. Головина о присылке воеводам царского или губернаторского указа о предоставлении подвода, бумаги для письма, выдаче денег на прогоны и на всякие расходы. Однако искоренить межведомственную неразбериху, видно, не удавалось не только фельдмаршалу, но и многоопытному администратору Головину.

Закономерным следствием не поддающихся устранению недостатков государственной машины стало то, что корреспонденция, требующая не-

замедлительных решений и немедленных действий, была задержана в апреле-мае 1706 г. на неделю, а в июле того же года — на четыре дня. В последнем случае, не добившись почтовых подвод, Дмитриев-Мамонов предпринял безуспешные попытки нанять лошадей и, в конце концов, учитывая возможность серьезных последствий, был вынужден выделить собственных коней для доставки почты в Москву к Головину. Чтобы исключить возможные вопросы, в Посольскую канцелярию был отправлен и казанец Фёдор Асанов, побывавший по указанию Иуды Болтина «в башкирцах» с разведывательными целями и привезший «татарское письмо». Между тем необходимо было отправить судье Посольского приказа сообщение с приложенным к нему письмом восставших, в котором они ультимативно потребовали отказаться от строительства города на Самаре и предупреждали, что в случае продолжения возведения укреплений, начнут оказывать вооруженное сопротивление.

Успешное решение перечисленных проблем, с которыми столкнулся автор писем, во многом определяли и качество организации сторожевой службы, и боеспособность воинских подразделений, и своевременность действий против восставших, и даже методы подавления и искоренения рассматриваемого социального движения. В конечном счете, отсутствие упомянутых проблем накладывало свой отпечаток на особенности правительственной политики в отношении восставших и существенно облегчало решение задач, возложенных на правительственного агента.

В апреле 1706 г. по царскому указу упомянутый Александр Саввич Сергеев получил задание «строить город» на Самаре. Восставшее окрестное население, чьи интересы ущемляло возведение укреплённого пункта, отреагировало разорением и сожжением двух деревень, входивших в состав Казанского и Симбирского уездов. Сместе предположить, что привлечённые к строительству «города» рабочие

люди были мобилизованы именно из этих двух деревень. Как бы то ни было, жители деревень явно оказали ожесточенное сопротивление, о чем свидетельствует число павших (47 чел.) и раненых (30 чел.), 100 человек было взято в плен.

Этот факт привел к перераспределению воинских подразделений, подчиненных А. Дмитриеву-Мамонову. Для охраны и отражения возможных набегов восставших на строящийся город на Самаре пришлось выделить две роты (260 чел.) пехоты, состоявшие из служилых мурз и татар, а также роту солдат (106 чел.) из полка Ивана Рыдаря. Солдаты двух полков (полка Григория Карташева и полка Аврама Иевлева) отбыли явно в распоряжение Б. П. Шереметева в Астрахань, первые — с денщиком фельдмаршала, вторые — на стругах с Иваном Языковым. Лев Аристов уехал на Уфу и, надо полагать, в сопровождении небольшой группы или отряда солдат. И. Болтин был послан в Сергиевск с теми драгунами, которых он сумел набрать в Саратове (250 чел.) и в его распоряжение поступило около 150 человек сергиевских конных служилых иноземцев, 200 солдат из «казанского» полка. В результате в Казани, по нашим расчетам, имелось менее 400 солдат из полка Ивана Рыдаря, 300 человек из «казанского» новоприборного полка и 76 служилых мурз и татар. Шестерых служилых мурз из их числа стольник отправил «в башкирцы» к «лутчим людям» с заданием выяснить местную ситуацию, узнать, «из которых юртов у них такое воровство учинилось». Крайне важно было понять, кто стоит за этой вспышкой социального протеста. По слухам, численность восставших, намеревающихся разорить город Сергиевск, составляла 600 человек.

Недостаток информации о действительном положении дел в Уфимском и Мензелинском уездах (вестей с дороги от уехавшего в Уфу Льва Аристова не было, мурзы только отбыли к представителям знати восставших областей), ухудшение ситуации в восточных и юго-восточных районах Ка-

занского уезда и в Симбирском уезде (разорение и сожжение восставшими деревень, гибель, ранение и пленение обывателей), бремя Северной войны и на этом фоне малочисленность солдат, отсутствие командиров, проблемы с обмундированием, вооружением и продовольствием и т. д. в центре, координирующем действия правительственных структур в Волго-Уральском регионе — Казани — заставляли думать уже немолодого А. Дмитриева-Мамонова о непредсказуемости хода событий и неизбежности человеческих потерь в ходе противостояния набегам «башкирцев» и усмирения восставших. Обострились в нем и отцовские чувства. Думается, не случайно в письме от 6 мая он просит Ф. А. Головина разрешить оставаться при нем сыну Василию.

Серьезностью ситуации прониклись и в ведомстве, возглавляемом Ф. А. Головиным: из Посольской канцелярии в конце апреля в Казань прислали 26 дворян. Однако в пехотный полк, переданный под начало Дмитриева-Мамонова, ни один из их числа определен не был. И он в очередной раз обратился к Головину с просьбой прислать восемь офицеров.

Как видим, и численность солдат, и нехватка командиров, и качество снаряжения, и продовольственное обеспечение, и состояние крепостных сооружений¹⁵ позволяют утверждать, что в рассматриваемое время Казань вряд ли выдержала бы натиск восставших «башкирцев», в числе которых много было имевших военные навыки служилых людей. Между тем, как это можно почувствовать из письма, датированного 14 июля 1706 г., обе стороны надеялись на мирное урегулирование разразившегося социального конфликта¹⁶.

¹⁵ Работа выполнена в К(П)ФУ при поддержке Министерства образования и науки РФ. Письма публикуются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Письма и бумаги Петра Великого. – СПб., 1900. – Т. IV. – Ч. 1. – № 1013, 1019, 1021, 1022, 1042, 1051; Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705-1706 гг. – М., 1975. – С. 258.
2. Голикова Н. Б. Указ. соч. – С. 42-43.
3. Там же. – С. 110.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. – М.-Л., 1936. – Т. 1. – № 90.
5. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. – Кн. VIII. – Т. 15. – М., 1993. – С. 188.
6. Голикова Н. Б. Указ. соч. – С. 304.
7. Акманов И. Г. Башкирские восстания в XVIII в. – Уфа, 1987. – 539 с.; Он же. Башкирские восстания XVII — нач. XVIII в. – Уфа, 1993. – 224 с.; Алишев С. Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа II половина XVI-XIX вв.). – Казань, 1999. – 158 с.
8. Голикова Н. Б. Указ. соч. – С. 256-257.
9. РГАДА, ф. 77. Персидские дела, оп. 1, д. 3, л. 29; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. / Подг. Н. Б. Голикова. – М., 2004. – С. 67.
10. Голикова Н. Б. Указ. соч. – С. 256.
11. Там же. – С. 68.
12. РГАДА, ф. 77. Персидские дела, оп. 1, д. 3, л. 31 об.-32; Социальные движения в городах... – С. 68.
13. Социальные движения в городах... – С. 64-65.
14. Там же. – С. 67.
15. Мустафина Д. А. Военно-оборонительные возможности города Казани в XVII — начале XVIII века // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века: Материалы Всероссийской научной конференции. Город Балахна Нижегородской области (6-7 октября 2011 г.). – Нижний Новгород, 2012. – С. 109-120.

№ 1. 1706 г. марта 20. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани

Мой милостивый государь Федор Алексеевич, доношу милости твоей. В письме твоём, государя моего, ко мне писано февраля 16-го числа, что писал я до милости твоей о рекрутских салдатах 500 человек, что оставлены для караулов, что будут присланы вместо тех ко мне с Москвы салдатской полк с ружьями и со офицерами да еще новых 500 устроенных со всем.

И сего марта 1 числа пришел полк в Казань Ивана Рыдора, и явил мне великого государя грамоты на имя подполковника-фельтмаршалка. А те великого государя грамоты и наказ дан полковнику из Розряду. И ныне он стоит в Казани, а грамоты посланы к фельтмаршалку.

И только, государь, каким указом вышеписанной полк Ивана Рыдаря определен будет из Казани, одним моим полком, которой ныне у меня в Казани, караулов обнять будет некем, всево по наличному списку 908 человек. Да по указу, государь, фельтмаршалка велено у меня быть из разных городов мурз и татар по списку 1 379 человек, в том числе многия пешия и малолетняя, и к нынешнему случаю ненадежные. Из дворян ни искоторых городов нет ни единого человека. И только, государь, каково время будет непотребное, послать неково ж за таким малолюдством. И о том, как воля твоя государя моего надлежит?

Слуга твой и раб Афанасей Дмитриев Мамонов.

Из Казани 1706 году марта 20 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 1.

**№ 2. 1706 г. апреля 15. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Государь мой, милостивый батка Федор Алексеевич, желаю тебе, моему государю, всяблагая на лета многа.

Доношу милости твоей, сего апреля — числа из Астрахани прислан ко мне указ от фельтмаршалка, велено мне о всяких делах писать к великому государю к Москве.

Писано, государь, к нему фельтмаршалку 9 февраля месяце о даче денежного жалованья салдацкому полку, что ныне у меня. Выдано афицером и урядником и рядовым салдатом от комиссара 3 генваря месяца полгодное по 2 рубли 16 алтын по 4 деньги. И на другую дачу офицерям и городовым салдатом денежного жалованья о даче велеть писать к Москве и до милости твоей. И о том, как воля государя моего надлежит?

Я ж писал до милости ево о приходе полковника Ивана Рыдора с салдаты в Казань и грамоты государевы, которые на имя ево подпись из Розряду, к нему послал. И о том мне никакова указу не изволил предложить. Докучают о всяких своих нуждах, о хлебом и о денежном жалованье. Не знаю, что им ответ учинить. Ныне хлебное жалованье на месяц выдали в Казани, а о денежном, как воля твоя надлежит быть?

Ныне, государь, по указу ево у меня быть велено и набирать драгунской полк полковнику Июде Болтину, которые низовых городов остались у розбору Александра Сергеева и которые у розбору не явились, а иные присланы от розбору с Саратова драгунского полку от полковника Володимера Шереметева. По списку присланных драгун 227 человек о ружье и о всяких полковых припасах. В тот новой полк, где изволишь ружье и всякия полковыя припасы? Также жалованье хлебное и денежное где укажешь брать? И о том, государь, до милости твоей я писал и прежде сего. И ныне прислан ко мне указ, о всяких делах велел писать к великому государю к Москве, а к себе за дальним путем писать не велел.

Я ж милости у тебя, государя моего, прошу. Указом фельтмаршалка велено мне писать о надлежащих делах к великому государю к Москве. Когда при случаи посылке о подводах спрашивают прогонных денег, также и на всякие расходы, для писма бумага надобно, мне первым государевым указом из Казанского дворца велено брать у воеводы. Ныне он мне государев указ о даче для посылок подвод где брать, на прогоны и на расход, для письма бумаги, никакова указу государева и ни от фельтмаршалка не прислано. Когда случаи посылке подвод, бес прогонов не дают, а взять негде, нам де от господина губернатора о том указу не прислано.

Милости прошу, государь мой милостивой батка, чтоб господам воеводам с товарищи указом государевым или губернаторским о сем вышеписанном, естли надлежит быть нужды, чтоб определить.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов челом бьет.

Из Казани 1706 апреля 15 числа.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 2-3.

**№ 3. 1706 г. апреля 29. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Мой государь, милостивый Федор Алексеевич, желаю здоровья твоего, государя моего, на лета многа со всеми твоими и о здоровье твоём ведать.

Доношу тебе, мой государь, о себе. В Казани на службе великого государя жив, впредь, яко воля святого Бога и благодати.

Сего, государь, апреля 20-го числа прислана ко мне великого государя грамота из Разряду о полку Ивана Рыдора, велено ему быть в Казани под кумандою моею. А о жалованье, государь, офицерьям и урядником, и рядовым салдатом в указе великого государя ничего не написано, где брать хлеб и деньги. По наличным спискам того полку,

что ныне есть, о том писал именно в отписке. На нынешней, государь, апрель месяц денежного жалования урядником и рядовым салдатом не дано, а хлебное жалование выдали в Казани судьи все низовых городов до указа.

Милости у тебя, государя моего, прошу о послушных указах к судьям роспросных дел, чтоб не поморить салдат, также и о денежном жалованье, и моево полку, которой ныне у меня, брать им доведетца полугодовое в ыюле месяце. И о том до милости твоей, государя моего, писал чрез почту до сей почты, и ныне милости прошу, ни для каких государевых дел послать подвод почтовых не дают бес прогонов. Тебе, моему государю, известно, мне ни на какие расходы денег государевых не дано. Милости прошу, государь, естли случай будет какой нужной писать к Москве, будет в том мешкота, чтоб по твоей милости указ им, чтоб давали почтаря с подводами, когда доведетца быть посылке с нужными писмами, нет, государь, той от меня почты, чтоб без мешкания было и остоновки.

Ныне, государь, по указу государеву поехал Александр Сергеев на Самару строить город. И по присланной от судей писму для охранения работных людей от набега воинских людей послал я полку своего мурз и татар две роты, и велел им быть по два месяца, переменяясь с ыными ротмистрами, по наличному списку в роте по сту по тридцать человек.

Сего же, государь, апреля 27-го числа писали ко мне ведомость всех низовых городов роспросных дел судьи, что из башкирцов, собрався, розорили Синбирского уезду да Казанского уезду две деревни и выжгли, и людей 100 человек взяли вполон, 47 человек побито, 30 человек ранено. И до сего, государь, времени до милости твоей писал, что у меня под кумандою моею по наряду розных городов всего мурз и татар 1 379 человек, по наличному списку 330 человек. Ис того числа на Самару послано 2 роты — 260 человек. А ныне, государь, в таком непотребном случае ни для проведыванья послать неково. От фельтмаршалка прислан ко мне полковник Июда Болтин. Велено ему набирать полк другой, которые остались у розбору Александра Сергеева и которые не явились у розбору, и которые от розбору остались у полковника Володимира Петровича Шереметева на Саратове. Из Саратова, государь, по списку драгун, которые быть негодны у Володимира Шереметева, велено написать Июде Болтину в полк всего 267 человек, а из дворян в Казань не явились ниhto.

Никакой, государь, ведомости и никакого охранения учинить некем за малолюдством, ни для проведывания послать неково. Которые, государь, дворяня и дети их есть в Казани, сказываютца у дел.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов.

Из Казани 1706 апреля 29 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 4-5.

№ 4. 1706 г. апреля 29. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова фельдмаршалу Б. П. Шереметеву

Мой государь, милостивой Борис Петрович, желаю здоровья твоего во благих на лета многа и ведать о здоровье твоём.

Доношу тебе, государю моему, по твоему указу господин полковник Июда Болтин ныне в Казани драгун, кроме тех, что от Володимира Петровича присланы, не набрал ни единого человека. Я ему ныне отдал дву конново новокрещенов, и те, государь, в драгуны не годны, ружья никакова нет. По твоему государя указу писал в Посольской приказ о всем, до нынешнего апреля 29 дня указу не прислано.

О Ывановском полку Рыдаря прислан указ с Розряду: велено быть в Казане под кумандою у меня. О хлебном и денежном жалованье указу не положено. Писал в Розряд и до Федора Алексеевича.

Ныне, государь, башкирцы близ Самары по реке Черемшане деревни розоряют. И ныне прислали с ведомостью из Тиинского, две деревни разорили и выжгли. Побито 47 человек, ранено 6 человек, в полон взято 100 человек. Чем, государь, учинить охранение, не знаю. Мурз и татар розных городов послал на Самару для охраны и набегов две роты по 130 человек в роте, осталось у меня всево 70 человек, из дворян никакова человека нет. Господин Александр Савич на Самару поехал город строить, Лев Аристов на Уфу поехал, ведомости от него нет з дороги.

Салдат, государь, господина Карташова полку отпущены с денщиком милости твоей, Аврамова полку с товарищи отпущены на стругах с Ываном Языковым (он взял к себе на струга), иных не дали.

Жалованья, государь, салдатом хлебное дано, а денежного жалованья на февраль по указу, на март и апрель отказали, не дано.

Ныне, государь, посылаю в Сергиевской по вышеписанным ведомостям в Сергиевской господина Болтина, каковы есть у него люди, да сергиевских ему ж иноземцов отдаю, будет их на лошадех ста полтора, да с ним же мурз и татар отпущу роту, да для ево, чтоб не потерять ево, несколько салдат, хотя, государь, славу учинить промыслу нечева спрашивать.

О всем милости твоей известит денщик, который с твоим обиходом поехал до милости твоей.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов.

От Москвы ни о чем не извесны.

Из Казани апреля 29 день.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 6-6 об.

**№ 5. 1706 г. мая 2. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Мой милостивый государь, батка Федор Алексеевич, много лет здравия твоего, государя моего, желаю.

Доношу тебе, государю моему, апреля в 27 день писали ко мне всех низовых городов ратных дел судии ведомость, что заворовали из башкирцов и деревни Казанского уезда и Синбирского близ Самары разорили и выжгли, и людей в полон взяли 100 человек, побито 47 человек, ранено 30 человек. И о том до милости твоей писал я апреля вышеписанного ж числа. И апреля до тех ведомостей для охранения тех набегов послал на Самару две роты мурз и татар, в роте по 130 человек, а для разведывания в башкирцы к лутчим людям ныне послал мурз 6 человек, из которых юртов у них такое воровство учинилось, да на Самару ж, государь, послал ныне для вышеписанных ведомостей по совету с вышеписанными судьями Иванова полку Рыдаря роту 106 человек.

И что, государь, уведомлюсь от посланных мурз, о том до милости твоей буду писать впредь. Паче, государь, всего, что задерживают почтою. И ныне до милости твоей писано апреля 25 числа, послана мая 2 числа. Милости прошу, естли какая позовет нужда, посылать вскоре невозможно, естли не будет от милости твоей послушных указов.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов челом бью.

Из Казани мая 2 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 7.

**№ 6. 1706 г. мая 6. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Государь мой, милостивый батка Федор Алексеевич, желание мое тебе, моему государю, всяблагая на лета многа и ведать о здоровье твоём.

Доношу тебе, моему государю, мая в 4 день писали ко мне ратных дел судии, что башкирцы, воровские люди разных дорог, и хотят приходить и розорить Сергиев город, что близ Самары. И по тем ведомостям мая, государь, в 5-м числе послал я в Сергиевской драгунского строю полковника Июду Болтина, с ним набору ево новоприборных драгун 250 человек да салдацкого полку, что ныне у меня, 200 человек для проводывания и розъездов; из дворян прислали ис Канцелярии 26 человек, да мурз и татар, которые остались от самарской посылки, 76 человек; да в Сергиевском служилым всех чинов людям по списку. А по ведомостям, государь, тех вышеписанных воров-башкирцов 600 человек. И велел ему быть в Сергиеве и о всем, государь, вышеписанном писал подлинно в отписке, в котором числе вышеписанного полковника отпустил в Сергиев.

Милости у тебя, моего государя, прошу о мальчишке моем Васке, чтоб ему для моей старости быть со мною, умилосердися, государь мой, милостивый батка, надо мною.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов челом бью.
Из Казани мая 6 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 8-8 об.

**№ 7. 1706 г. июля 14. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Мой милостивый государь, батка Федор Алексеевич, желаю здравия твоего на лета многа, моего государя, и о здравии твоём ведать.

Доношу милости твоей, государь мой, июля 4 дня писал ко мне из Сергиевского полковник Июда Болтин, посылал он для проводыванья вестей от воровских башкирцов казанца князя Федора Асанова да с ним татар дву человек, и как, государь, они приехали х тем башкирцам, и те башкирцы им дали письмо, писано татарским писмом, и велели отдать мне. Да он же Июда в отписке своей писал, что каких ведомостей от тех башкирцов, и то ведаёт он князь Федор.

И то, государь, их татарское письмо и вышеписанного казанца доезд под отпискою послал я к великому государю к Москве, а не послать не смел, чтоб мне в том не понести какой беды.

Послал, государь, полковника для вестей проводывания, а они башкирцы пишут другое дело, которое мне не надлежит, опасен всякой напасти от иных.

У тебя милостивого моего государя, батка, милости прошу, милостиво призри, другия имеют на меня садельство, а я опасен, чтоб какова не понести бедства, не объявить не смею.

И для ведомости послал к Никите Кудрявцову и протчим списки. Для того и послал, что в доезде написано, естли пошлют город строить на урочище, всякое их намерение непотребное. Только б изволили послать с неведения, а что учинитца, а я ведал сей извет их, а не объявил, и досталь всякую б беду понес. Только, государь, милостивой батка, на деяние полагая божеское да твоё милостивое разсуждение, несожелания моего сие дело и не знаю такой случай по указом государевым, и по согласию с ними о ведомостях посылаем, и до сего оне и я посылали. А нынешняя посылка учинена от вышеписанного полковника из Сергиевского для того, что там чинятца непрестанныя набеги и деревням разорение, и не осведомливатца невозможно, чтоб какой беды не учинили.

А в том, государь, на меня гневу не положи, что вскоре то татарское письмо к милости твоей государю моему прислал, замедление учинилось в подводах четыре дни, государь. Просил подвод и письмо посылал, и мне, государь, почтовых подвод не дали, а нанять лошадей, государь, сыскать не могли. Ныне послал на своих клячах. Прошу у тебя, государя моего, милости, чтоб впредь в почтовых подводах задержания не было.

А для уверения послал, государь, к милости твоей посланного, которой был послан от вышеписанного полковника в башкирцы, казанца князя Федора Асанова. И естли, государь, изволишь о тамошней бытности ево приказать роспросить.

Слуга твой и раб Афонасей Дмитриев Мамонов челом бью.

Из Казани июля 14 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 9-10.

**№ 8. 1706 г. июля 18. – Письмо А. Дмитриева-Мамонова судье
Посольского приказа Ф. А. Головину из Казани**

Государь мой, милостивой батька Федор Алексеевич, желаю здоровья твоего, моего государя, на лета многа, еще желаю о здоровье твоём, моего государя, ведать, прикажи меня уведомить.

Доношу тебе, моему государю, ныне господа каменданты прислали ко мне письмо такое, какое им прислано за рукою Алексея Данилова, велели мне прислать мурз казанских и свияжских, синбирских да казанских же слобочких татар по списку для посылки в полки, где будет обретатца Алексей Данилов. И по тому, государь, их писму всяких городов мурз и татар я послал списки, каковы ко мне были присланы ис Канцелярии, а не послать не смел для того, что ко мне за рукою Алексея Данилова писано, велено и в полковых делех с ними иметь согласие. В том воля твоя, государя моего, а не послать не смел.

Еще же милости прошу у тебя, государя моего, которой определен пехотной полк быть у меня, и у тово полку афицеры в службе быть многия не годны, и окладу им от фельтмаршалка не учинено для того, что написаны они по ево приказу на время до указу. Воистинну, государь, многия урядниками быть негодны, не токмо что прямыми афицеры.

Тебе милостивый мой государь, то известно, что я человекенко неученой, нынешняго салдацкого артикулу не навычен, а ис тех, государь, вышеписанных афицеров обыкновенного нет, опасен беды. Умилосердись, государь мой, надо мною рабом своим, чтоб каких обыкновенных по милости твоей афицеров к тому моему полку для управления осми человек, государь, не выберешь, кому быть возможно в офицерах нижних чинов, не токмо что в капитанех.

Слуга и раб Афонасей Дмитриев Мамонов милости просит.

Из Казани июля 18 дня.

РГАДА, ф. 108. Башкирские дела, оп. 1, д. 1, л. 11-12.

Публикацию подготовила
Дина Мустафина,
кандидат исторических наук

